

ГЛАВНАЯ КИНОПРЕМЬЕРА 2015

РЕАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ
ОБМЕНА
ШПИОНАМИ

АЛЕКСАНДР
СЕВЕР

МОСТ ШПИОНОВ

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
ДЖЕЙМСА ДОНОВАНА

Главная кинопремьера 2015

Александр Север

**Мост шпионов. Реальная
история Джеймса Donovan**

«Алисторус»

2015

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Север А.

Мост шпионов. Реальная история Джеймса Донована /
А. Север — «Алисторус», 2015 — (Главная кинопремьера 2015)

История эпохального обмена шпионами не могла остаться без внимания со стороны кинематографистов. Основанный на реальных событиях, фильм «Шпионский мост» рассказывает историю непростых переговоров, предваряющих процесс обмена резидентами. Самым действенным оружием в руках ЦРУ оказывается обычный американский адвокат по имени Джеймс Донован, на которого возложена миссия по ведению переговоров об обмене американского шпиона на советского разведчика. Ему удастся совершить невозможное — Советский Союз соглашается на шпионский обмен. А местом для совершения этой операции назначается мост Глинике. Удастся ли довести запланированный обмен до конца? Люди, посмотревшие новый шедевр Стивена Спилберга, знают ответ на этот вопрос. Но это все кино, а как все было на самом деле? Какова на самом деле была роль Джеймса Донована в этих переговорах? Какие еще спецоперации проводились на знаменитом Глиникском мосту в Германии? Читайте об этом в новой книге популярного писателя Александра Севера.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Север А., 2015
© Алисторус, 2015

Содержание

Вступление	5
Между двумя войнами	8
«Красных» дипломатов на «белых» заговорщиков	9
Подготовка заговора	9
Как раскрыли заговор	10
Приступить к ликвидации	10
Реакция Москвы	11
Реакция Лондона	12
Ответ Москвы	13
Процедура обмена	14
Приложение 1. Нахождение Максима Литвинова в британской тюрьме	15
Приложение 2. Воспоминая Брюса Локкарта	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Север

Мост шпионов. Реальная история Джеймса Донована

Вступление

В произошедшем 10 февраля 1962 года обмене советского разведчика-нелегала Вильяма Фишера (Рудольфа Абея) на американского летчика Фрэнсиса Пауэрса не было ничего необычного и сенсационного. В этом уверены эксперты и те, кто интересуется историей шпионажа. Во время «холодной войны», а также до ее начала и после завершения происходили более интересные с точки зрения участвующих в ней людей и предшествующих этому событий обмена шпионов. О некоторых из них мы подробно расскажем в нашей книге.

Почему не обо всех? Просто во время «холодной войны» их было больше 50, и подробности некоторых из них продолжают оставаться секретными. Не меньшее количество обменов произошло в 20-30-е годы прошлого века. Как и в годы «холодной войны», тогда данная процедура была отработана до мелочей. Более того, существовала она и в Российской империи.

В монографии Константина Звонарева «Агентурная разведка. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 годов» можно прочесть такие строки:

«Видя, что ни официальные, ни тайные военные агенты ничего существенного по военной разведке не дают, Главный штаб начал практиковать в весьма широком масштабе командировки молодых офицеров Генерального штаба в соседние страны под тем или иным благовидным предлогом. Но этим делом занимался не только Главный штаб в лице своего Особого делопроизводства. Офицеров командировали за границу все, кому только было не лень, – почти все главные управления военного министерства, морского ведомства и штабы военных округов. Нередко одни и те же задачи возлагались на офицеров, командимуемых различными управлениями. Полученными в результате этих командировок сведениями указанные управления обменивались лишь иногда, да и то, как мы уже указывали выше, совершенно случайно.

Округа, которые тоже весьма широко практиковали такого рода командировки, не согласовывали их с Главным штабом и даже предварительно об этом ему не сообщали. Лишь по окончании такой командировки некоторые (далеко не все) отчетные отделения представляли в Главный штаб копии отчетов по этим командировкам.

В результате такого хаоса получалось, что контрразведка соседей без большого труда раскрывала этих разведчиков, командированных под ложными предлогами арестовывала, а командированных под благовидными предлогами ставила в такие условия, что при всем желании большинству из них ничего сделать не удавалось.

Арестованных таким образом офицеров обычно судили и после вынесения приговора обменивали на таких же своих неудачников. Нередко в этом обмене осужденных за шпионаж принимали участие даже цари»¹.

А теперь о самой монографии. В начале 1920-х годов перед специалистами IV (разведывательного) управления Штаба РККА была поставлена задача «провести обширное исследование, охватывающее деятельность агентуры всех важнейших государств, принимавших участие в мировой войне». Результатом реализации столь глобального замысла стали подготовленные Константином Звонаревым два тома капитального исследования: том I – об агентурной разведке царской России и том II – об агентурной разведке Германии, которые вышли из печати в 1929–1931 годах под грифом «Для служебных целей»².

Любопытно, но большевики учли опыт предшественников. Во времена существования СССР мы меняли своих разведчиков-асов на тех, кого Константин Звонарев называл «неудачниками».

Другой любопытный факт. Впервые массовый обмен шпионов произошел более 200 лет назад. В 1798–1801 годах под руководством Бонапарта Наполеона Францией была предпринята неудачная попытка установления контроля над территорией Египта. Париж таким вот способом планировал перекрыть один из путей сообщения между Англией и ее колонией – Индией. В историю эта военная операция вошла под названием Египетский поход. Мы не будем рассказывать о том, что именно произошло на территории Египта, отметим лишь, что в британском плену оказалось множество французских солдат и офицеров. В 1803 году Бонапарт Наполеон решил обменять их на интернированных подданных Великобритании, которые имели несчастье оказаться на контролируемой Францией территории. Они были интернированы и размещены в специально выстроенных для этой цели лагерях.

Среди арестованных были в основном путешественники-аристократы и их молодые отпрыски. Но были и промышленники, буржуа, люди без определенных занятий, художники и шпионы. Прежде чем начать переговоры об обмене арестованных англичан на пленных французов, Наполеон составил своего рода ценник. Британский журналист и историк шпионажа Ирвин Кукридж приводит его в своей книге «Торговля шпионами»:

«За лордов и членов парламента Наполеону должны вернуть плененных генералов и адмиралов, за детей аристократов – полковников и морских капитанов, за джентльменов без титулов – офицеров. Англичане вынуждены были согласиться. В результате обмена французы пополнили армию, а англичане получили назад не только своих ни в чем не повинных граждан, но и шпионов, правда, только тех, кого Фуше успел с помощью денег или шантажа переквалифицировать в двойных агентов»³.

Впрочем, и обмен, который произошел в феврале 1962 года, тоже по своему уникален. Как пример, говоря современным языком, эффективной PR компании, которую успешно провел СССР. Можно по-разному относиться к деятельности органов официальной советской пропаганды, но из «провала» отечественной внешней разведки (сотрудник был пойман с поличным) и ПВО – вражеский самолет сумел безнаказанно пролететь над значительной территорией, пропагандисты смогли сотворить «победу». И скрыть от общественности не только эти две неудачи, но и множество других.

Во время «холодной войны» в США и в других странах регулярно разоблачали кадровых сотрудников советской разведки. Большинство из них, кто обладал дипломатическим иммунитетом, высылали из страны. Остальные, хотя таких было мало, получали реальные тюремные сроки. Вот их-то и меняли на пойманных с поличным граждан западных стран. Правда, об этом советские СМИ не сообщали. В лучшем случае в газетах появлялась небольшая заметка о том, что очередной вражеский шпион пойман с поличным. А вот его дальнейшая судьба для советских граждан оставалась загадкой.

Единственный раз, когда в период «холодной войны» одному из ключевых участников обмена – советскому разведчику-нелегалу Вильяму Фишеру (Рудольфу Абелю) – позволили сняться в кино (советский фильм «Мертвый сезон»), а тот, на кого обменяли, – американский пилот Пауэрса – стал «героем» многочисленных публикаций в советских СМИ. Более того, в 1985 году в Советском Союзе сняли художественный двухсерийный фильм «Мы обвиняем», посвященный судебному процессу над Пауэрсом и предшествующим этому событиям.

Одна из причин такого повышенного внимания именно к этому обмену, хотя за период «холодной войны» их произошло более 50, его относительная равноценность с позиции общественного мнения СССР и США. Обменяли кадрового сотрудника советской разведки, который, по мнению неспециалистов, нанес несущественный урон интересам национальной безопасности Америки, на офицера ВВС США, который выполнял приказ командования –

совершил разведывательный полет над территорией главного противника. На самом деле это была не разовая акция, как тогда утверждали советские и американские власти, а один, причем незначительный, эпизод программы по проникновению Запада «за железный занавес», который СССР начал создавать в 1945 году. Подробно об этом рассказано в книге Кертиса Пиблза «Тайные полеты»⁴, поэтому мы не будем останавливаться на этом подробно. И превращение Пауэрс в «героя-одиночку» очень уж способствовало сокрытию от общественности факта существования этой программы.

Была и другая причина. Вильям Фишер был одинаково симпатичен гражданам как СССР, так и США. Вот как его охарактеризовал американский адвокат Джон Донован: «Абель – культурный человек, великолепно подготовленный как для той работы, которой он занимается, так и для любой другой. Он свободно говорил по-английски и прекрасно ориентировался в американских идиоматических выражениях, знал еще пять языков, имел специальность инженера-электронщика, был знаком с химией, ядерной физикой, был музыкантом и криптографом... Рудольф – человек, обладающий чувством юмора. Как личность, его просто нельзя было не любить»⁵.

Во всех остальных случаях, если рассматривать период «холодной войны», то в выигрыше от обмена оставалась Москва, ну а проигрывал Вашингтон. А как иначе объяснить тот факт, что советских разведчиков-нелегалов, а это элита в разведке, обменивали на шпионов-любителей, агентов-неудачников, которые попались при выполнении первого же задания. Причем, с позиции обывателя, довольно простого.

Между двумя войнами

Вопреки распространенному мнению в СССР начали активно использовать обмены своих граждан на подданных других государств задолго до начала «холодной войны». Другое дело, что участвовавшие в них люди в большинстве своем мемуаров не писали. А если и оставляли воспоминания потомкам, то данную тему старались не затрагивать. Не принято было тогда хвататься нахождением в тюрьме. Пусть даже попали в нее в силу политических причин, как это произошло с дипломатами в 1918 году. Или когда оказались не в том месте и не в то время, как это произошло во время Гражданской войны в Испании с экипажами нескольких советских кораблей. А тем более, если поймали на занятии шпионажем. Как-то не принято было хвастаться своей принадлежностью к братству «рыцарей плаща и кинжала».

«Красных» дипломатов на «белых» заговорщиков

6 сентября 1918 года в Лондоне британская полиция сначала провела обыск на квартире полпреда РСФСР Максима Литвинова, а затем и арестовала его. «Одновременно со мной были обысканы и арестованы почти все работники полпредства. Посажен я был в Брикстонскую тюрьму», – вспоминал он позднее. Даже учитывая, что Великобритания не признала Советскую Россию, содержание под стражей ее официального представителя – международный скандал. Впрочем, с формальной точки зрения, британцы имели на это право, т. к. 1 сентября 1918 года в Москве были задержаны глава специальной британской миссии при Советском правительстве Брюс Локкарт, а также несколько британских и французских дипломатов. Всех их обвинили в шпионаже, а также в участии в так называемом «заговоре послов». Более того, все они были заключены под стражу и в течение полутора месяцев содержались в Бутырской тюрьме. Главе миссии «повезло» больше. Он находился на правах высокопоставленного заключенного на территории Кремля.

Кратко расскажем теперь о «заговоре послов», который и послужил причиной первого в истории СССР обмена. Правда, неравноценного. Ведь Максим Литвинов и сотрудники советского посольства не участвовали в разведывательных операциях, в отличие от своих зарубежных коллег. Впрочем, во время «холодной войны» ситуация была диаметрально противоположной. СССР меняла своих высокоэффективных, в большинстве своем кадровых разведчиков на граждан ФРГ, Великобритании и США, чьи достижения в сфере «тайной войны» были минимальными.

Подготовка заговора

Согласно официальной версии, изложенной зам. председателя ВЧК Яковом Петерсом, заговор был организован в 1918 году дипломатическими представителями Великобритании, Франции и США в Советской России с целью свержения большевистской власти. В заговоре участвовали глава специальной британской миссии Роберт Локкарт⁶, а также послы Франции и США – Жозеф Нуланс и Дэвид Фрэнсис⁷. Насчет американца – утверждение сомнительное, т. к. еще в феврале 1918 года он переехал из Петрограда в Вологду, а в июле 1918 года, под давлением большевиков, перебирается из Вологды в Архангельск. Впрочем, и там он задержался недолго. В начале ноября 1918 года он вернулся в США. А вот французский дипломат, согласно официальной советской версии, был одним «из организаторов и вдохновителей белогвардейских заговоров (например, участвовал в деятельности «Союза защиты Родины и Свободы»⁸ и «Союза возрождения России»⁹, а также в организации восстаний против Советской власти, например, в мятеже Чехословацкого корпуса¹⁰).

Брюс Локкарт пытался подкупить находившихся в Москве латышских стрелков, охранявших Кремль с тем, чтобы совершить военный переворот, арестовав заседание ВЦИК вместе с Лениным и заняв ключевые пункты Москвы. Два полка латышей должны были быть отправлены в Вологду, чтобы соединиться с английскими войсками, которые должны были высадиться в Архангельске, и помочь их продвижению.

Кроме того, по заявлению Якова Петерса, союзные миссии устраивали взрывы, поджоги и планировали взорвать железнодорожный мост через реку Волхов около Званки, чтобы отрезать Петроград от поставок продовольствия и вызвать там голод.

Как раскрыли заговор

Согласно воспоминаниям латышского чекиста Яна Буйкиса, заговор был раскрыт следующим образом. В июне 1918 года Феликс Дзержинский отправил двоих латышей, Яна Буйкиса (под именем Шмидхен) и Яна Спрогиса, недавно поступивших на службу в ВЧК, в Петроград с заданием проникнуть в антисоветское подполье.

В морском клубе, располагавшемся рядом с Адмиралтейством, приятели общались с моряками стоявшего на рейде британского судна. Через них чекистам удалось познакомиться с руководителем контрреволюционной организации, морским атташе британского посольства Фрэнсисом Кромби. Их представили последнему как «надежных людей». Кромби познакомил их с агентом британской разведки Сиднеем Рейли¹¹ и посоветовал ехать в Москву, снабдив письмом для передачи Локкарту, который хотел установить контакты с влиятельными командирами латышских стрелков.

Отдельно отметим, что Фрэнсис Кромби во время Первой мировой войны командовал подводной лодкой и был самым успешным британским подводником на Балтийском театре военных действий. Исполнять обязанности военно-морского атташе его попросили в мае 1918 года. На новом посту он продемонстрировал неплохие организаторские способности. Например, он направил служившего в качестве офицера связи на британской подводной лодке Е1 Георгия Чаплина в Архангельск для организации там антибольшевистского переворота и подготовки высадки там английских войск. В ночь на 2 августа 1918 года последний возглавил военный переворот в Архангельске, в результате которого в городе была свергнута советская власть. Георгий Чаплин стал командующим всеми морскими и сухопутными вооружёнными силами Верховного управления Северной области.

Также Фрэнсис Кромби был одним из руководителей петроградской вербовочно-осведомительной организации бывшего санитарного инспектора Балтийского флота Владимира Ковалевского. Организация занималась сбором шпионских сведений для англичан, переправляла через Петроград в Архангельск и Вологду бывших офицеров, а также готовила возможное вооружённое восстание в Петрограде и Вологде. 21 августа 1918 года Ковалевский был арестован и заключён в Дерябинскую тюрьму, в декабре 1918 года переведён в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. 13 декабря 1918 года – расстрелян по обвинению в создании военной организации, связанной с английской миссией.

В Москве после совещания с Феликсом Дзержинским и Яковом Петерсом было решено «подставить» Локкарту командира 1-го лёгкого артдивизиона Латышской стрелковой советской дивизии лейтенанта Эдуарда Берзина, выдав его для солидности за полковника. 14 и 15 августа 1918 года Берзин встречался с Локкартом, а затем 17, 19, 21 августа – с Рейли. Последний передал Берзину в конечном счёте 1,2 млн рублей в качестве платы за свержение латышскими полками советской власти в Москве, денонсацию Брестского договора и восстановление восточного фронта против Германии. А после войны британцы обещали содействие в признании независимости Латвии.

Приступить к ликвидации

Высока вероятность того, что если бы не два покушения, организованных и совершенных людьми, которые не имели, по крайней мере согласно официальной советской версии, отношение к деятельности Локкарта, то события развивались по другому сценарию и обмена послов не было бы. По той простой причине, что с ними поступили бы более вежливо – просто попросили бы покинуть страны пребывания.

30 августа 1918 года, после убийства начальника Петроградской ЧК Моисея Урицкого в городе на Неве и неудачной попытки застрелить Владимира Ленина в Москве у ВЧК создалось впечатление, что начался контрреволюционный переворот.

На самом деле оба покушения напрямую не были связаны с деятельностью иностранных дипломатов. Моисея Урицкого в вестибюле Народного Комиссариата внутренних дел Петрокоммун (на Дворцовой площади) застрелил студент Петроградского политехнического института и член партии народных социалистов Леонид Каннегисер. Отметим, что партия отвергала террор как средство политической борьбы. Согласно официальной версии он решился на такой шаг, мстя за смерть расстрелянного в ЧК друга.

А вот кто стрелял в Владимира Ленина, когда он выступал на митинге на заводе Михельсона в Москве – до сих пор установить не удалось, хотя в советское время считалась, что это была полуслепая Фанни Каплан. Вождь мирового пролетариата получил два ранения. Одна пуля в шею под челюстью, а вторая – в руку. Хотя ранение Ленина казалось смертельным, он выздоровел очень быстро. 25 сентября 1918 года он уехал в Горки и вернулся в Москву 14 октября, сразу возобновив политическую деятельность. Первое после покушения публичное выступление Ленина состоялось 22 октября 1918 года.

В любом случае реакция властей на убийство и покушение последовала незамедлительно. В стране начался так называемый Красный террор. Одновременно начались задержания участников различных антисоветских организаций, а также тех, кто подозревался в нелояльности к советской власти.

Активный участник антибольшевистского подполья мичман Александр Гефтер (в 1918 году – вахтенный начальник на крейсере «Память Азова») позднее написал в своих мемуарах:

«Локкарт попался в Москве самым глупым образом. Говорили, что в деле замешана женщина... Огромное количество людей имевших отношение к Локкарту, было арестовано или было вынуждено скрываться»¹². Действительно, в Петрограде и Москве начались аресты и обыски. Причем чекистов не смущал даже принцип экстерриториальности посольств.

Снова процитируем воспоминания Гефтера:

«По чьему-то доносу большевики узнали, что в Британском посольстве (находилось тогда в Петрограде – прим. авт.) есть документы, представляющие для них интерес. Смелый англичанин, капитан Кромби..., защищал вход в посольство на нижней площадке лестницы с маленьким браунингом в руках. В это время, все хранившиеся на чердаке документы были уничтожены. Большевики ворвались с черного хода и Кромби был убит винтовочным выстрелом в затылок»¹³.

Автор мемуаров умолчал о том, что 30 августа 1918 года на территории посольства произошла перестрелка, в ходе которой погибло два чекиста: Янсон¹⁴ и помощник комиссара Петроградской ЧК И. Н. Стодолин-Шенкман, а также был ранен следователь ВЧК Бартновский¹⁵.

Реакция Москвы

Ночью 1 сентября 1918 года у себя на квартире в Москве был арестован Локкарт. На вопросы Петерса он отвечать отказался под предлогом дипломатической неприкосновенности, а утром по указанию председателя ВЦИК Якова Свердлова, который на время болезни Владимира Ленина фактически был руководителем страны, был отпущен на свободу.

О том, что произошло дальше, в своей книге «Железная женщина» рассказала Нина Берберова.

«2 сентября правительство Ленина отправило правительству Его Величества в Лондон следующую ноту:

«Официальное сообщение о ликвидации заговора против советской власти, руководимого англо-французскими дипломатическими представителями.

«Сегодня, 2 сентября ликвидирован заговор, руководимый англофранцузскими дипломатами, во главе с начальником британской миссии Локкартом, французским генеральным консулом Гренаром, французским генералом Лавернем и др., направленный на организацию захвата при помощи подкупа частей советских войск, Совета народных комиссаров и провозглашения военной диктатуры в Москве»...

Во вторник 3 сентября газеты были полны «заговором Локкарта», где он был обвинен во взрывах мостов, намерении убить Ленина и других преступлениях. Убийство Кроми тоже было описано во всех подробностях. Говорилось, между прочим, что он стрелял первый. «Англо-французские бандиты» и их глава Рейли (исчезнувший, за которым началась охота), были объявлены врагами народа, которым должна была быть уготовлена казнь.

«Известия» писали:

«Заговор Союзных империалистов против Советской России.

Сегодня, 2-го сентября ликвидирован заговор, руководимый англофранцузскими дипломатами во главе с начальником британской миссии Локкартом, французским генеральным консулом Лавернем и др., направленный на организацию захвата при помощи подкупа частей советских войск, Совета народных комиссаров и провозглашения военной диктатуры в Москве.

Вся организация, построенная по строго заговорщицкому типу, с подложными документами и подкупам, раскрыта.

Между прочим найдены указания, что в случае удавшегося переворота должна была быть опубликована поддельная тайная переписка русского правительства с правительством Германии и сфабрикованы поддельные договоры в целях создания подходящей атмосферы для возобновления войны с Германией.

Заговорщики действовали, прикрываясь дипломатическим иммунитетом (неприкосновенность) и на основании удостоверений, выдававшихся за личной подписью начальника британской миссии в Москве г. Локкарта, многочисленные экземпляры которых имеются ныне в руках ВЧК.

Установлено, что через руки одного из агентов Локкарта, лейтенанта английской службы Рейли, за последние полторы недели прошло 1 200 000 рублей на подкуп.

Заговор обнаружен благодаря стойкости тех командиров частей, к которым заговорщики обратились с предложением подкупа.

На конспиративной квартире заговорщиков был арестован один англичанин, который после того, как был доставлен в ВЧК, назвал себя английским дипломатическим представителем Локкартом.

После установления личности арестованного Локкарта он был немедленно освобожден.

Следствие энергично продолжается».

С утра (4 сентября 1918 года – прим. авт.) Локкарт возобновил свое хождение по Москве.

В это утро он узнал, что в Петрограде было арестовано около 40 англичан...»¹⁶.

Он решил зайти в ВЧК с личной просьбой к Петерсу освободить арестованную вместе с ним 1 сентября 1918 года свою любовницу Муру Будберг (что и было сделано), но сам Локкарт был снова задержан и провел пять дней на Лубянке, а затем ещё 24 дня в небольшой квартирке в Кремле вместе с посаженным к нему Шмидхеном.

Реакция Лондона

Снова процитируем книгу Нины Берберовой.

«В ответ на эту ноту (отправленную Москвой 2 сентября – прим. авт.) 7 сентября была получена ответная нота английского министра иностранных дел Бальфура:

«Нота британского министра
иностраннных дел Чичерину.

Сентябрь 6, 1918 г.

Мы получили информацию, что возмутительное нападение было совершено на британское посольство в Петрограде, что помещение было частично разграблено и частично разрушено и что капитан Кромби, который пытался защитить посольство, был убит и тело его изуродовано до неузнаваемости. Мы требуем немедленного удовлетворения: жестокого наказания всех ответственных за это безобразие и тех, кто в нем участвовал.

Если русское советское правительство не даст нам полнейшего удовлетворения и насилие над британскими подданными будет продолжаться, британское правительство будет считать каждого члена русского правительства ответственным за происходящее и примет меры к тому, чтобы все правительства цивилизованного мира признали их индивидуально ответственными и тем самым вне закона и в случае необходимости не дали бы им убежища на своей территории.

Вам уже было послано извещение г. Литвиновым о том, что правительство Его Величества готово сделать все, что возможно, для немедленного возвращения представителей Великобритании в Англию и отъезда представителей русского советского правительства в Лондоне – в Москву. Гарантии были даны в случае обмена тех и других на русско-финской границе. Г. Литвинову будет разрешено покинуть пределы Англии, как только британские представители будут вне пределов России. До нашего сведения дошло, что 29 августа был издан декрет, что все британские подданные от 18 до 40 лет будут арестованы и что официальные представители Великобритании уже арестованы по ложному обвинению в заговоре против советского правительства.

Ввиду этого правительство Его Величества считает нужным подвергнуть г. Литвинова и его сотрудников превентивному аресту, до тех пор, пока британские представители и все остальные арестованные британские подданные не будут освобождены и доставлены на финскую границу, с гарантией свободного перехода ее.

Бальфур»

Ответ Москвы

Так получилось, что накануне отправки ноты из Лондона, Москва отправила свою. Вот ее текст:

«Заявление Народного Комиссара Иностраннных Дел по поводу участия дипломатических представителей Англии и Франции в организации заговоров против советской власти.

6 сентября 1918 г. № 102

В то самое время, когда при посредстве представителей нейтральных держав Правительство РСФСР вело переговоры с правительствами Англии и Франции об обмене дипломатических представителей, военных и граждан вообще, обнаружилось, что дипломатические и военные представители Англии и Франции пользуются своим званием для организации на территории РСФСР заговоров, направленных к захвату Совета Народных Комиссаров с помощью подкупа и агитации среди войсковых частей, к взрыву мостов и продовольственных складов и поездов.

Данные, имеющиеся в распоряжении Правительства и отчасти уже опубликованные в сообщениях Чрезвычайной Следственной Комиссии и комиссаров Северной Коммуны, устанавливают с несомненностью тот факт, что нити заговора сходились в руках главы английской миссии Локкарта и его агентов. Равным образом установлено, что здание английского посольства в Петрограде фактически было превращено в конспиративную квартиру заговорщиков.

При этих условиях, будучи всецело проникнуто искренним желанием в полной мере соблюдать дипломатическую неприкосновенность и правила международного общения, Правительство РСФСР лишено возможности предоставить свободу действий лицам, прибывшим в Россию в качестве дипломатических и военных представителей и поставившим себя фактически в положение заговорщиков против Правительства нашей страны.

Поэтому Правительство РСФСР поставлено в необходимость создать для лиц, уличенных в заговорах, такие условия, при которых они лишены были бы возможности продолжать дальше свою преступную с точки зрения международного права деятельность.

Когда английские и французские войска продвигаются по территории РСФСР для поддержки открытых мятежей против Советской власти и дипломатические представители этих держав внутри России создают организацию для государственного переворота и захвата власти, – Правительство РСФСР принуждено во что бы то ни стало принять необходимые меры самообороны.

Все интернированные представители английской и французской буржуазии, среди которых нет ни одного рабочего, будут немедленно освобождены, как только русские граждане в Англии и Франции и в районе оккупации союзных войск и чехословаков не будут больше подвергаться репрессиям и преследованиям. Английские и французские граждане будут иметь возможность немедленно покинуть территорию России, когда эту же возможность получат российские граждане в Англии и Франции.

Французские военные получают эту возможность, когда русские солдаты при участии Международного и Русского Красного Креста будут возвращаемы из Франции. Дипломатические представители той и другой страны, и в том числе сам глава заговорщиков Локкарт, одновременно будут пользоваться возможностью возвращения на родину.

Уже после того, как Правительством Советской Республики были приняты приведенные выше решения, нами получено от английского правительства радио с сообщением об аресте т. Литвинова и его персонала. Это обстоятельство служит для нас еще лишним подтверждением правильности наших действий и полной обоснованности наших опасений, когда мы отказывались допустить выезд Локкарта и его сотрудников из России ранее выезда тов. Литвинова из Англии.

И в этом английском радио, и в одновременно полученном по радио заявлении французского правительства в случае дальнейшего содержания под стражей английских и французских граждан эти правительства угрожают индивидуальными репрессиями всем видным большевикам, которые попадут в их руки.

Это обстоятельство для нас не является новостью, так как уже теперь такого рода репрессии, вплоть до расстрелов советских работников, совершаются в районе оккупации держав Согласия. Мы остаемся при нашем прежнем предложении отказаться от репрессий в том случае, если таковые будут прекращены со стороны держав Согласия, как мы о том заявляли уже неоднократно.

Повторяем еще раз, что принимаемые нами меры предосторожности касаются исключительно английской и французской буржуазии и что ни одного рабочего мы не тронем.

Народный Комиссар по Иностранным Дела

Чичерин»¹⁷.

Процедура обмена

26 октября 1918 года в Петроград прибыли сотрудники советского посольства в Великобритании. Через несколько дней в город на Неве приехал сам Максим Литвинов. Он задержался из-за того, что ждал в Стокгольме, когда Брюс Локкарт пересечет советско-финскую границу.

В истории обменов шпионов в XX веке эта была самой малоизвестной. Советские газеты лишь написали о том, что в РСФСР из Великобритании вернулись сотрудники посольства. Публикаций в западных СМИ о том, что группа высокопоставленных британских и французских дипломатов, часть из которых Москва обвиняла в шпионской деятельности, вернулась домой – не было. Да и чем было гордиться? Фактически дипломаты были пойманы «с поличным». Более того, существовала вероятность, что в революционном угаре их могли и расстрелять или надолго задержать в РСФСР.

Впрочем, оба участника обмена – Максим Литвинов и Брюс Локкарт – все же сохранили для потомков свои воспоминания о событиях почти столетней давности. Первый – благодаря биографу. А второй сам, написав мемуары о своих приключениях в России.

Приложение 1. Нахождение Максима Литвинова в британской тюрьме

На дверь тюремной камеры, в которую посадили Литвинова, была повешена табличка: «Гость его величества». А «гость» без усталости шагал по камере – три шага туда, три обратно – и думал, что ему предпринять, чтобы скорее оказаться на воле. Оттуда приходили недобрые вести. Газеты требовали самых строгих мер по отношению к красному послу. В папке Литвинова хранилась газетная статья, автор которой требовал сообщить Ленину, что «при малейшем насилии, примененном к Локкарту, Литвинов будет расстрелян». Это место в статье Литвинов подчеркнул красным карандашом.

О дальнейших событиях Максим Максимович рассказал следующее:

«Спустя несколько дней после моего ареста ко мне в тюрьму явился Липер¹⁸. Причина его визита была такова. До моего заключения английский МИД имел возможность сноситься с Советским правительством через меня. Никаких других способов сношений с Москвой в тот момент у него не было (ведь Локкарт уже сидел в тюрьме). Со дня моего ареста эта единственная ниточка между Лондоном и Москвой была оборвана. А между тем в связи с арестом Локкарта Лондон вынужден был начать какие-то переговоры с Москвой – прежде всего, в целях освобождения Локкарта. Как это было сделать? Тогда в МИД вспомнили обо мне и прислали ко мне Липера. Липер просил меня послать в Москву шифровку и передать предложение британского правительства обменять меня на Локкарта. Я ответил Липеру, что никакой шифровки из тюрьмы посылать не буду. Одно из двух: или британское правительство считает меня уполномоченным Советского правительства, тогда я должен быть на свободе, или же оно считает меня арестантом, тогда незачем обращаться ко мне с просьбой о посылке шифровки. Надо сделать выбор. Липер ушел от меня, не добившись ничего.

Моя постановка вопроса в конце концов возымела свое действие. Через десять дней после ареста я был выпущен из тюрьмы и вновь вернулся на свою квартиру. Вместе со мной по моему категорическому требованию были освобождены и другие работники полпредства. После моего выхода из тюрьмы ко мне, правда, были приставлены агенты Скотланд-Ярда, которые неотступно следовали за мной по пятам, но все-таки я был на свободе и теперь согласился передать Советскому правительству предложение МИД. Предложение это Москвой было принято, и вопрос о моем отъезде из Англии был, таким образом, принципиально решен.

Однако при практическом проведении этого решения встретился ряд весьма серьезных трудностей. Локкарт был в Москве, я был в Лондоне, сношения железнодорожные, телеграфные, телефонные и всякие другие между обеими столицами в то время были если не совсем порваны, то, во всяком случае, крайне осложнены. Устроить при таких условиях переход советской границы Локкартом и английской границы мною в один и тот же день и час было просто невозможно. В конечном счете вся операция обмена уперлась в вопрос, кто должен первым перейти границу: я или Локкарт? В течение долгого времени мы никак не могли договориться.

Тогда я сделал МИД такое предложение: я выеду из Англии первый, но не поеду сразу в Советскую Россию, а останусь в Христиании (ныне Осло) и буду в Норвегии дожидаться выезда Локкарта из Советской России. С тяжелым сердцем Бальфур в конце концов принял мое предложение.

Дело происходило в конце 1918 года. Сношения между Англией и Советской Россией шли в то время через Скандинавию. Сношения эти были чрезвычайно затруднены германской блокадой Англии с помощью подводных лодок, а также громадным количеством мин, установленных в Северном море. Практически мне предстояло из Лондона проехать в Абердин, сесть там на пароход, который под охраной двух миноносцев совершал более или менее регулярные рейсы по линии Абердин – Берген, и затем уже через Христианию и Стокгольм искать доступа в Советскую Россию. Как раз в момент моего отъезда из Лондона на английских железных дорогах разразилась стачка. Тогда МИД решил отправить меня и моих товарищей (со мной уезжало около сорока большевиков, находившихся еще в Лондоне) на автобусах. Я согласился. Липер поехал сопровождать меня до Абердина. Кроме того, с нами был еще норвежский вице-консул в Лондоне, который тоже принимал некоторое участие в моей эвакуации из Англии. Путь от Абердина до Христиании я совершил вполне благополучно.

Прибыв в норвежскую столицу, я явился к норвежскому министру иностранных дел, изложив обстоятельства, при которых произошел мой отъезд из Англии, и заявил ему, что я нахожусь всецело в его распоряжении. Норвежский министр иностранных дел оказался в большом затруднении. Он сказал, что мое соглашение с английским МИД его совершенно не касается и что я могу поступать дальше, как мне заблагорассудится. После норвежского министра иностранных дел я сделал визит британской миссии в Христиании и сообщил ей, что во исполнении моего соглашения с МИД я остаюсь в столице Норвегии до тех пор, пока не будет получено сообщение о выезде Брюса Локкарта из Советской России.

С освобождением и эвакуацией Локкарта произошла известная задержка, и только в первых числах октября он пересек наконец русско-финскую границу. На этом мое соглашение с английским МИД кончилось, а вместе с тем кончилась и история первого советского полпредства в Лондоне».

Источник: Шейнис З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. – М.: 1989, – С. 72–73

Приложение 2. Воспоминая Брюса Локкарта

Заключение мое длилось ровно месяц. Его можно разделить на два периода: первый продолжался несколько дней и был отмечен неудобствами и страхом; второй, длившийся двадцать четыре дня, можно назвать периодом сравнительного комфорта, сопровождаемого острым душевным напряжением.

На Лубянке, 11, в бывшем помещении Страхового общества, я сидел в комнате, которая была предназначена для регистрации и предварительного допроса второстепенных преступников. В ней было три окна, два из них выходили во внутренний двор. Обстановка состояла из стола, деревянных стульев, старого истрепанного дивана, на котором, если мне везло, разрешалось спать. Обычно я спал на полу. Однако самое тяжелое лишение состояло в том, что комната никогда не оставалась пустой и темной. Все время дежурили двое часовых. Работа младших комиссаров, в пользовании которых была комната, не прекращалась ни днем, ни ночью. В большинстве своем это были латыша или русские матросы. Некоторые были настроены довольно дружелюбно. Они рассматривали меня с особым интересом, иногда разговаривали со мной и давали мне читать «Известия». Другие были грубы и враждебны. Ночью за мной присылал Петерс и я подвергался насмешливому допросу. Я не могу сказать, что он обращался со мной плохо. Желание спать было тяжелым испытанием, и меня утомляли его ночные допросы.

По большей части это были настойчивые предложения сообщить ему всю правду в моих же собственных интересах. Он говорил, что мои товарищи уже сознались (один из французских агентов написал антисоюзническое письмо, напечатанное в большевистской прессе), и Петерс предлагал мне сделать то же, если я хочу избежать передачи моего дела в Революционный трибунал. Он не был, однако, ни груб, ни даже невежлив. Наши отношения заключенного и тюремщика были приятны. Он сам был женат на англичанке, которую оставил в Англии. Его, казалось, интересовал мой роман с Мурой. Иногда он заходил ко мне в комнату и осведомлялся, хорошо ли меня кормят. Пища – чай, жидкие щи и картофель – была непитательна, но я не жаловался. На второй день он принес мне две книги для чтения: Уэллса «Мистер Бритлинг...» и Ленина – «Государство и революция». Моим единственным утешением были официальные большевистские газеты, которыми меня снабжали мои тюремщики с радостью пропагандистов. Конечно, что касается моего личного дела, газетные сведения были далеко неутешительны. Они были все переполнены заговором Локкарта. Печатались многочисленные резолюции, принятые комитетами рабочих, требующие суда надо мной и смертного приговора. Отводилось также видное место и иностранным комментариям по поводу заговора. В особенности германская пресса отдавала ему должное. Во время войны она сильно страдала от подобных же обвинений в недипломатическом поведении, особенно в деле Папена¹⁹, а теперь она воспользовалась большей частью приписываемых нам проступков, называя их наиболее скандальными в истории дипломатии. Были также неутешительные отчеты о победах большевиков над чехами и союзниками и еще более грозные сведения о терроре, развернувшемся повсюду. Все эти подробности не могли рассеять мою тревогу. С самого первого дня моего заключения я решил, что, если Ленин умрет, моя жизнь не будет стоить ни гроша. Меня могло спасти только одно: из ряда вон выходящая победа союзных войск во Франции. Зная пристрастие большевиков к миру какой угодно ценой, я чувствовал, что такая победа может смягчить обращение со мной большевиков. А «Известия», к моей радости, содержали не только бюллетени о здоровье Ленина, но и новости о положении на западном фронте. И те, и другие были утешительны. Шестого сентября было объявлено, что Ленин вне опасности. На западе продвижение союзников сопровождалось действительным успехом.

От Петерса я узнал, что мои коллеги сидели все вместе в Бутырской тюрьме. Один я был выделен для одиночного заключения. Это усиливало дурное настроение.

Мое заключение в ЧК было отмечено двумя мрачными инцидентами. На третий день ко мне в комнату ввели бандита. Это был высокий здоровый детина лет двадцати пяти. Я был молчаливым свидетелем его допроса, который сильно разнился от того, что пережил я в руках Петерса. Сперва он, смеясь, утверждал свою невиновность. Не было более лояльного сторонника советского режима, чем он. Никто так добросовестно не соблюдал декреты. Обвинения в бандитизме и контрабанде были делом контрреволюционеров, хотевших его погубить. Он изобразил себя в прекрасном свете, но комиссар не обратил на это никакого внимания. Он безжалостно повторял свой вопрос: «Где вы были в ночь на двадцать седьмое августа?» Бандит сперва шумел, затем смутился, стал лгать, а когда заметил, что комиссар видит его ложь, начал рыдать и просить пощады. Комиссар засмеялся и нацарапал что-то на клочке бумаги. Он протянул бумажку часовому, бандит все еще стоял на коленях у стола. Часовой взял его за плечо, и тотчас все его поведение изменилось. Увидев, что судьба его решена, он вскочил на ноги, отбросил одного часового к стене и стремительно бросился к двери. Один из большевиков подставил ему ногу, и бандит упал, растянувшись на полу. Его схватили и вытащили из комнаты, а он продолжал драться и проклинать своих тюремщиков.

Второй инцидент, более потрясший мои нервы, произошел в последний день моего пребывания на Лубянке, 11. Я читал, когда Петерс вошел в комнату. Я отошел с ним к окну поговорить. Когда у него была свободная минута, он любил поговорить об Англии, войне, капитализме и революции. Он рассказывал мне необыкновенные вещи о своих переживаниях в

бытность революционером. Он сидел в тюрьме в Риге во времена царизма. Он показывал мне свои ногти в доказательство тех пыток, которые он перенес. Ничто в его характере не обличало бесчеловечного чудовища, каким его обычно считали. Он говорил мне, что каждое подписание смертного приговора причиняло ему физическую боль. Я думаю, это была правда. В его натуре была большая доля сентиментальности, но он был фанатиком во всем, что касалось столкновений между большевизмом и капитализмом, и он преследовал большевистские цели с чувством долга, которое не знало жалости.

В то время, как мы разговаривали, автомобиль вроде «Черной Марии»²⁰ въехал на задний двор, из него вылез отряд людей с ружьями и патронташами и занял весь двор. В это же время как раз под нашим окном открылась дверь и три человека с опущенными головами медленно направились к автомобилю. Я их тотчас же узнал. Это были Щегловитов²¹, Хвостов²² и Белецкий²³ – три экс-министра царского режима; они сидели в тюрьме с начала революции. Затем последовала некоторая пауза и потом крик. Из двери наполовину вытолкнули, наполовину вытащили жирного священника и повели к «Черной Марии». Он был жалок. По лицу катились слезы. Колени его подогнулись, и, как мешок, он упал на землю. Мне стало нехорошо, и я отвернулся. «Куда их ведут?» – спросил я. «Они отправляются в другой мир», – сухо сказал Петерс. «Вот этот, – добавил он, указывая на священника, – вполне это заслужил». Это был известный епископ Восторгов²⁴. Экс-министры были первой партией из нескольких сот жертв террора, расстрелянных в это время в качестве платы за покушение на Ленина. Ночью Петерс прислал за мной.

– Завтра, – сказал он, – мы перевозим вас в Кремль. Там вы будете один, и вам будет удобнее.

В моем присутствии он позвонил коменданту Кремля.

– Готовы ли комнаты для гражданина Локкарта? – спросил он не допускающим возражения голосом.

Очевидно, ответ был отрицательным.

– Ничего не значит, – возразил Петерс, – дайте ему комнату Белецкого.

Белецкий был одним из экс-министров, расстрелянных днем. Это казалось зловещим намеком. Кремль предназначался только для наиболее несчастливых политических заключенных. До сих пор никто оттуда не вышел живым.

Меня перевезли в Кремль вечером восьмого сентября и поместили в кавалерском корпусе. Мои новые комнаты были чисты и удобны. Они состояли из маленькой прихожей, приемной, крошечной спальни, ванной комнаты – увы, без ванны – и маленькой кухни. Комнаты в прежнее время были предназначены для фрейлины. К несчастью, окна с обеих сторон выходили в коридор, так что я был лишен свежего воздуха. К несчастью также, я был не один, как мне обещал Петерс. У меня нашелся товарищ по заключению, латыш Смидхен, причина всех наших бедствий, которого обвиняли как моего агента и соучастника. Мы провели вместе тридцать шесть часов, и я все время боялся произнести слово. Затем его увели, и я никогда не узнал, что с ним случилось. До сих пор я не знаю, расстреляли его или щедро наградили за ту роль, которую он сыграл в разоблачении «большого заговора». Был еще один недостаток в моей новой тюрьме. По обе стороны ее стояли часовые, по одному у каждого окна. Они сменялись через четыре часа и при смене заходили ко мне в комнату проверить, там ли я; каждую ночь меня будили в 10, 2 и 6 часов. Часовые были по большей части латыши, но были также русские, поляки и венгры. Был еще старик, бывший кремлевский служитель, убиравший комнаты. Он был, насколько мог, любезен, но весь наш разговор ограничивался просьбой принести большевистские газеты и горячую воду для самовара. Из «Известий» я узнал, что союзные правительства послали резкую ноту большевикам, требуя нашего немедленного освобождения и считая их всех вместе и каждого в отдельности ответственными за нашу безопасность. В отплату в

Англии арестовали Литвинова и посадили в тюрьму. Чичерин ответил на протест нотой, в которой излагались все наши преступления, но которая содержала предложение освободить нас в обмен на Литвинова и других русских арестованных во Франции и Англии. Предложение Чичерина было до некоторой степени успокоительным. Однако в других отделах газеты сообщалось, что меня будут судить за преступление, которое карается смертью; я совсем не был уверен в своем освобождении и даже в личной безопасности.

Пища в Кремле была такая же, как и на Лубянке, 11, – суп, чай и картофель. Петерс извинился за это, говоря, что он и его подчиненные получают то же самое. Из того, что я мог заметить во время моего пребывания в ЧК, его слова были правильны. По приезде в Кремль я первым делом написал Петерсу по поводу Муры и своих слуг. Еще раз я обращался к его порядочности. Я сообщал ему, что слуги ни в какой мере не были ответственны за то, что я мог делать или не делать. Что же касается Муры, спрашивал, какое удовлетворение он получает, сражаясь с женщинами. На третий день он приехал ко мне. Он сообщил, что, по всей вероятности, я буду передан для суда Революционному трибуналу. Однако он освободил Муру. И даже больше того, он дал ей разрешение принести мне пищу, одежду, книги и табак. Он брался передать ей от меня записку при условии, если она будет написана по-русски и не запечатана. Вместе с тем он отдал распоряжение коменданту Кремля давать мне ежедневно двухчасовую прогулку. Он был в великодушном настроении. Ленин выздоравливал. Новости с большевистского фронта были прекрасны. Большевики отбили у чехов Уральск. Казань была накануне капитуляции.

Петерс сдержал свое слово. Днем я получил конкретное доказательство освобождения Муры в виде корзины с одеждой, книгами, табаком и даже такими предметами роскоши, как кофе и ветчина. Было также от нее длинное письмо. Конечно, в нем не было никаких новостей, но оно пришло запечатанным. Его не могли прочесть пытливые глаза моих стражей. Петерс сам запечатал его официальной печатью ЧК с припиской, подписанной его решительным почерком: «Прошу передать это письмо запечатанным. Я его прочел. Петерс». Этот странный человек, которому я внушал почему-то интерес, решил доказать мне, что большевики в мелочах могут быть такими же рыцарями, как и буржуа.

Одежда и пища, но особенно одежда, были истинным благодеянием. Я не снимал костюма, не умывался и не брился вот уже шесть дней. Тревога моя длилась еще две недели. Как раз накануне Крыленко, общественный обвинитель, выступал на митинге и под громкие возгласы одобрения объявил, что будет вести дело о союзных заговорщиках и что преступник Локкарт не избегнет должного наказания. Однако с этих пор моя тюремная жизнь стала довольно спокойной. Конечно, время тянулось убийственно долго. Все же постепенно я завел порядок, который заставил проходить день быстрее. Как только я был одет, я начинал раскладывать китайский пасьянс. (С одеждой и книгами Мура прислал а колоду карт.) Я как бы ставил ставку на себя самого. С кельтским суеверием я говорил себе, если пасьянс не сойдется, день кончится несчастьем. С нездоровым волнением я сражался за свою жизнь в карты. К счастью, для спокойствия моего рассудка никогда не случалось, чтобы пасьянс не сошелся. Однако бывали дни, когда я выходил победителем только к вечеру.

Окончив игру в карты, я принимался за чтение. Вот что я прочел за три недели пребывания в Кремле: Фукидида Ренана – «Воспоминание детства и юности», Ранке – «История папства», Шиллера – «Валленштейн», Ростана – «Орленок», Архенгольца – «История семилетней войны», Бельтцке – «История войны 1812 года в России», Зудермана – «Розы», Маколея – «Жизнь и письма», Стивенсона – «Путешествие с ослом», Кипплинга – «Смелые капитаны», Уэллса – «Остров доктора Моро», Голланда Роза – «Жизнь Наполеона», Карлейля – «Французская революция» и Ленина и Зиновьева – «Против течения». Тогда я был серьезным молодым человеком. Другим времяпрепровождением было приготовление еды. После завтрака я гулял по Кремлю. Первая моя прогулка была одиннадцатого сентября. Это был день взятия

большевиками Казани, и Кремль весь был украшен флагами и красными знаменами. В первые дни большевистского режима Кремль был крепостью, в которую редко или совсем не допускали посетителей. Даже в дни моих самых дружественных отношений с большевиками я ни разу не переступил его порога. Мои интервью с Левиным, Троцким, Чичериным и другими комиссарами были всегда вне кремлевских стен. Теперь я мог видеть все перемены, которые произошли там после Октябрьской революции. Гигантский памятник Александру Второму на площади для парадов был стащен с огромного пьедестала, крест на месте убийства великого князя Сергея снят.

Моим конвоиром в этот первый день был поляк. Он шел рядом со мной с заряженной винтовкой и разговаривал довольно дружелюбно. Он сообщил, что часто сопровождал царских экс-министров во время прогулок и что мало кто из кремлевских пленников вышел отсюда живым. Его товарищи держали пари два против одного, что я буду расстрелян.

В общем конвоиры мои были приличные, смышленные люди, не делавшие никаких попыток насмеяться надо мной. Во все время заключения я наткнулся только на одного, который был действительно мерзок: негодяй с недовольным лицом, проклинавший Англию, ругавший меня убийцей и отказавший в разрешении послать записку коменданту. Он был венгр. Лучше всех были латыши. Многие из них относились к русским презрительно, считая их стоящими ниже себя. Один латыш сказал мне, что, если бы Россия могла выставить в окопы миллион нерусских войск, она непременно выиграла бы войну. Каждый раз, когда латыши наступали, говорил он, их подводили русские, которые никогда не могли их поддержать. С другой стороны, он чрезвычайно уважал лидеров большевиков, считая их сверхлюдьми. Не все мои конвоиры были большевиками. Их можно разделить на три группы: во-первых – ярые коммунисты, убеждавшие каждого своей искренностью и преданностью делу. Таких было немного. Во-вторых, стадо: идущие за толпой – сегодня большевики, завтра – меньшевики. И в-третьих, – наиболее многочисленная – скептики, считавшие, что в России все возможно и все плохо. Все, однако, были уверены, что революция упрочилась. Даже те латыши, которые стремились вернуться в Латвию, смеялись над возможностью успеха контрреволюции. Для них контрреволюция означала возврат земли собственникам.

Эти прогулки были желанным развлечением в монотонности моего существования. Они не давали мне думать о себе, и, хотя вначале я не мог удержаться от косвенных вопросов конвоирам о своей судьбе, получаемые ответы скоро охладили дальнейшие попытки удовлетворить болезненное любопытство. Ежедневно во время прогулки я заходил в маленькую церковь, построенную в стенах Кремля. Там была знаменитая икона Божьей матери «Нечаянная радость» и небольшой сад вокруг церкви. Перед войной, вдохновленный этим очаровательным названием, я написал о ней небольшой рассказ, напечатанный в «Морнинг пост». Теперь этот храм был в течение трех недель местом моих ежедневных молитв.

В конце первой недели, проведенной в Кремле, ко мне зашел Карахан. Он умалчивал о моем деле. Он также намекал, что общественный суд неизбежен. Он сказал мне, что Рене Маршан, член французской миссии, сообщил большевикам все данные о митинге союзников в американском генеральном консульстве. На этом митинге представители союзников обсуждали такие меры, как взрыв железнодорожных мостов, чтобы отрезать Москву и С.-Петербург от источников снабжения. По словам Карахана, он передал полный список всех присутствовавших. Я засмеялся. Большинство моих разговоров с Караханом велось в тоне легкой иронии.

– Это почище выдумок «Таймс», – сказал я, – и хотите верьте мне, хотите нет, но это новая выдумка вашей ЧК.

– Но это правда, – возразил он. – Через день или два мы опубликуем письмо. К счастью для вас, – добавил он с усмешкой, – вы, кажется, не присутствовали.

Рассказ его был более или менее справедлив. Маршан решился примкнуть к большевикам. После войны он вернулся во Францию и вступил во французскую коммунистическую пар-

тию. Он отрекся от коммунизма в 1931 году. Карахан передал мне новости о войне и о том, что делается на свете. Нейтральные дипломаты выпустили резкий протест против террора, из чего я заключил, что они работали для нашего освобождения. Силы союзников не имели успеха в России. Большевики отмечали дальнейшие успехи в борьбе с чехами и русскими контрреволюционными силами. С другой стороны, союзники гнали назад немцев на западе. Австрия и Болгария были накануне крушения. Он признавал, что теперь союзники могут выиграть войну.

Конечно, это были хорошие вести. Они были еще усилены разоблачением истинной цели визита Карахана. Он явился, чтобы узнать мое мнение относительно условий, на которых Англия согласится прекратить интервенцию и заключить мир с Россией. Большевики были готовы предложить амнистию всем контрреволюционерам, которые признают режим, и предоставить возможность убраться из России чехам и союзникам. Было очевидно: если большевики готовы обсуждать условия мира с союзниками, они меня не расстреляют. С другой стороны, союзники, казалось, не хотели выслушивать никаких предложений такого рода. В общем, надежды мои ожили после его визита. Карахан сообщил мне, что Ленин уже может сидеть и принимать пищу.

Погода всю неделю с 14 по 21 сентября была дождливая и скверная, и два дня я не мог даже гулять. Я все еще получал ежедневные послания и роскошные посылки от Муры. Она мне прислала вечное перо, несколько записных книжек, и я занимался писанием скверных стихов и очень осторожного дневника моей тюремной жизни. Так как большевики меня больше не посещали, я не знал новостей, спал плохо и впал в новый период пессимизма.

Я часто видел Спиридонову, заключенную в одном коридоре со мной. Мы никогда не разговаривали, хотя торжественно раскланивались, проходя мимо друг друга во время ежедневных прогулок. Она выглядела больной и нервной, с черными кругами вокруг глаз. Она была неуклюжа и очень небрежно одета, но в молодости, вероятно, была очень хорошенькой.

Другим заключенным, кого я встречал иногда во время прогулок, был генерал Брусилов. У него случилось какое-то несчастье с ногой, и он ходил с трудом, опираясь на палку. В моем дневнике записано, что «он выглядел больным, измученным и очень старым, выражение лица «было у него хитрое». Был еще заключенный Саблин, бывший советский командир, игравший руководящую роль в задуманном левыми социалистами-революционерами *coup d'état*²⁵ в июле месяце. Красивый, с привлекательной улыбкой и голубыми глазами, он выглядел почти мальчиком.

Высокое положение заключенных, по-видимому, забавляло наших сторожей. Однажды мой конвоир подвел меня к месту, где раньше стояла статуя Александра II, и с гордостью указал на изречение, грубо выцарапанное с одной стороны огромного пьедестала. Слова, вырезанные одним из наших часовых, гласили следующее: «Здесь красноармейцы 9-го стрелкового латышского батальона имели честь гулять с Брусиловым, Локкартцм, Спиридоновой и Саблиным». Слово «честь» была в кавычках. Я мрачно подумал, что это, вероятно, единственный памятник, кроме могильного, на котором будет фигурировать мое имя.

21 сентября Карахан опять зашел ко мне. Он был возбужден успехами большевиков на Волге. Красная Армия заняла Симбирск и была полна надежд. Он принес мне оттиски «Призыва», большевистской листовки, напечатанной по-английски, которую должны были сбрасывать с аэропланов над английскими войсками на архангельском и мурманском фронтах. Она содержала грозный рассказ о так называемом союзническом заговоре. Мое имя широко там фигурировало, и к моим другим преступлениям было еще добавлено обвинение в замысле состряпать ложный договор между Германией и Россией как средство заставить союзников сражаться против большевиков. Рассказ, как следовало из газеты, читался как «Тысяча и одна ночь». Я указал Карахану на эти слова и поздравил его с талантливой аллегорией. Это был прекрасный пример выдумки, не лишенной воображения. Карахан, знавший все детали моего ареста, мягко улыбнулся. «Ваше правительство, – сказал он, – поддерживает войну против

революции. Союзные войска совершили целый ряд беззаконий в нашей стране. Вы стали символом этих беззаконий. При столкновении между двумя мировыми силами отдельные личности всегда страдают».

На следующий день Петерс нанес мне неожиданный визит. Он привез с собой Муру. Был день его рождения (ему было тридцать два года), а так как он предпочитал не получать подарки, а дарить сам, в виде праздничного подарка он привез Муру. Но не только поэтому его визит был одним из самых волнующих моментов моего заключения. Петерс был в настроении, склонном к воспоминаниям. Он сел напротив меня за маленький столик около стены и начал рассказывать о своем революционном прошлом. Он сделался социалистом в пятнадцать лет, перенес изгнания и всякие преследования. Я слушал урывками. Мура, стоявшая позади Петерса напротив меня, бесцельно перебирала книги на небольшом столе перед зеркалом. Она поймала мой взгляд, вынула записку и сунула ее в книгу.

Меня охватил ужас. Легкий поворот головы – и Петерс все мог увидеть в зеркале. Я как можно незаметнее кивнул головой. Но Мура, казалось, думала, что я не видел, и вновь повторила все сначала. Сердце мое замерло, и на этот раз я закивал, как эпилептик. К счастью, Петерс ничего не заметил, в противном случае судьба Муры была бы решена. О моей судьбе он не сказал ничего нового, кроме сообщения о приготовлениях, сделанных для суда надо мной, но обращался со мной чрезвычайно любезно, несколько раз осведомился, как обращаются со мной часовые, регулярно ли я получаю письма Муры и нет ли у меня каких-либо жалоб. Затем, извинившись за свой короткий визит ввиду срочной работы и пообещав еще раз привезти Муру, он уехал. Мы с Мурой едва перекинулись несколькими словами, но у меня теперь была надежда. Как только они ушли, я бросился к книге – это был Карлейль, «Французская революция» – и вынул записку. В ней было всего шесть слов: «Ничего не говори – все будет хорошо». Всю ночь я не мог заснуть. На следующий день снова приехал Петерс. Его второе посещение объяснило первое. На этот раз его сопровождала не Мура, а Аскер, шведский генеральный консул, обаятельный, большого ума человек, работавший день и ночь для нашего освобождения. Петерс прямо приступил к делу. Нейтральные дипломаты выражали тревогу относительно моей судьбы. Их сильно обеспокоили слухи, что я расстрелян, что меня подвергали китайским пыткам. Поэтому он привез шведского генерального консула, чтобы тот убедился лично: 1) что я жив, 2) что со мной хорошо обращаются. Мой разговор с Аскером был ограничен. Мы должны были говорить по-русски, а он плохо знал язык. Более того, ему не было разрешено говорить о моей судьбе. Удостоверившись, что я не голодаю и не подвергаюсь пыткам, он ухитрился сказать, что для меня делается все, что только возможно, и затем ушел.

На следующее утро большевистская пресса передала сообщение, что в то время, как буржуазная пресса распространяет по всему свету слухи об ужасных пытках, которым я подвергаюсь, я сам, отрицая это, сообщил шведскому консулу, что со мной обращаются крайне любезно.

Мое интервью с Аскером было все же не вполне удовлетворительно. Тот факт, что ему не разрешили говорить о моем деле, меня приводил в уныние. Я не боялся больше за свою жизнь, но вероятность публичного суда и продолжительного заключения влияли все еще сильнее, чем прежде, на мой рассудок. Мои опасения еще усилились опубликованными на другой день в «Известиях» разоблачениями Маршана, французского агента. Они были в форме открытого письма к Пуанкаре и в резких выражениях разоблачали контрреволюционную деятельность союзных агентов в России. Хотя мое имя не было упомянуто в этом письме и хотя я никогда не принимал участия в деятельности, которая оттолкнула Маршана от родины, большевистская пресса ухватилась за возможность вылить всю грязь на мою голову. Еще раз меня называли зачинщиком всего того, что было и чего не было, и архипреступным дипломатом. Думаю, я мог бы считать себя польщенным. Я был самый молодой из союзных представителей. И все же был выделен для одиночного заключения в Кремле, а мое имя фигурировало в каждой газете как

вожака всех союзных представителей. Сомнительно, чтобы обращение большевиков со мной, столь сильно различное наедине и публично, определялось только политическими причинами. Я знал их более близко, чем любой из союзных представителей. Я почти до самого конца противился интервенции. Необходимо было использовать все средства и дискредитировать заранее все данные, которые я мог привести против них. Американские чиновники, гораздо больше меня замешанные в разоблачениях Маршана, избегли не только ареста, но даже оскорблений. Большевики знали, что президент Вильсон как историк помнил Наполеона и весьма равнодушно относился к русской политике союзников. Большевики решили не делать ничего, что могло бы повлиять на его отношение к этой политике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.